Изъ посмертныхъ воспоминаній Михаила Ивановича Семевскаго.

Принадлежа къ семьѣ изъ средняго служилаго дворянства, я, вмѣстѣ съ братьями моими, имѣлъ въ дѣтствѣ (1844—1848 гг.) своимъ домашнимъ наставникомъ Іосифа Игнатьевича *Малевича*,— того самаго педагога, подъ руководствомъ котораго прошло домашнее образованіе, гораздо позже,—знаменитаго профессора высшей математики *С. В. Ковалевской*, рожденной *Корвинъ-Крюковской.* У Малевича я учился съ шести до десятилѣтняго возраста. Это—вполнѣ достойный педагогъ того времени, въ высшей степени добросовѣстно относившійся къ принятому на себя дѣлу. Всѣ занятія у него были распредѣлены въ самомъ строгомъ порядкѣ, и онъ требовалъ полнѣйшей исполнительности и точности въ выполненіи задаваемыхъ имъ уроковъ. Хотя въ то время въ русскомъ мірѣ учащихъ уровень педагогическихъ знаній и пріемовъ былъ довольно низокъ, по крайней мѣрѣ, въ томъ провинціальномъ городѣ—Полоцкѣ, гдѣ прошло мое дѣтство, тѣмъ не менѣе І. И. *Малевичъ* выдѣлялся изъ нихъ тѣмъ, что не позволялъ себѣ прибѣгать ни къ какимъ тѣлеснымъ наказаніямъ, не обрекалъ своихъ учениковъ на голодовку, никогда не требовалъ долбни, но яснаго пониманія предмета и передачи выученнаго своими словами; умѣлымъ выборомъ статеекъ и книгъ изъ тогдашней довольно убогой русской дѣтской литературы Малевичъ успѣлъ меня привязать къ чтенію. Вспоминаю, что въ то время издавался «Журналъ военно-учебныхъ заведеній», редакція котораго, принадлежа къ штабу Якова Ивановича *Ростовцева*, пользовалась широкимъ правомъ перепечатывать изъ литературныхъ и научныхъ журналовъ все то, что находила полезнымъ и интереснымъ для своего казеннаго изданія, не спрашивая для этого разрѣшенія авторовъ и переводчиковъ. Въ 1850-хъ годахъ это изданіе было прекращено, но въ свое время оно сослужило весьма полезную службу для молодежи военно-учебныхъ заведеній. Десятилѣтнимъ мальчикомъ посту-

пилъ я въ Полоцкій кадетскій корпусъ въ 1848 году и попалъ туда въ такое время, когда въ корпусахъ царила суровая, болѣе сказать, жестокая и зачастую лишенная всякаго смысла муштровка. Происходило это не столько отъ указаній, шедшихъ изъ Петербурга, сколько отъ крайне неумѣлаго выбора дежурныхъ офицеровъ и ротныхъ командировъ, которымъ ввѣрялась не одна военная выправка своихъ питомцевъ, но и руководство нравственнаго развитія и воспитанія юношей. Громадное большинство этихъ псевдо-воспитателей было изъ глубокой арміи, люди безъ малѣйшаго образованія, нерѣдко полуграмотные, и изъ нихъ выдѣлялись и имѣли нѣкоторое благотворное вліяніе только тѣ, которыхъ Господь надѣлилъ отъ природы добрымъ сердцемъ. Но была и хорошая сторона въ суровой кадетской школѣ, мною и моими сверстниками пройденной: молодые люди закалялись въ исполнительности, въ исправности при исполненіи отъ нихъ требуемаго, являлось содружество и товарищество однокашниковъ, нерѣдко сохранявшееся многіе годы и по оставленіи учебнаго заведенія.

Что касается до учителей и ихъ вліянія, то я лично вспоминаю съ особой признательностью одного лишь преподавателя *Арсенія Васильевича Скворцова*, питомца, если не ошибаюсь, одной изъ духовныхъ академій, преподававшаго у насъ, въ Полоцкомъ корпусѣ, исторію. Не смотря на довольно тѣсныя рамки кадетскаго курса исторіи, *А. В. Скворцовъ* составлялъ и давалъ намъ свои обширныя записки, каковыя литографировались. Въ изложеніи своего предмета достойный наставникъ былъ весьма добросовѣстенъ: передавалъ его подробно, обстоятельно и увлекалъ нѣкоторыхъ изъ своихъ юныхъ слушателей. Онъ во мнѣ заронилъ первыя сѣмена любви къ исторіи. Библіотека корпусная была довольно обширна, и завѣдывавшій оною *Г. В. Смирновъ* охотно выдавалъ мальчикамъ тогдашніе журналы, альманахи и вообще охотно шелъ на встрѣчу удовлетворенію любознательности юношей, но самъ лично не умѣлъ преподавать даже русскую грамматику, что видно изъ того, что всѣ кончали курсъ общихъ классовъ, не зная какъ распорядиться съ буквой *ѣ* и съ прочими хитростями правописанія. Грамматика Греча, сама по себѣ крайне неудовлетворительная, въ рукахъ неумѣлаго преподавателя, какимъ былъ Григорій Васильевичъ Смирновъ, не могла сослужить добрую службу. Напротивъ, въ Дворянскомъ полку, куда я поступилъ въ 1852 году, я и мои товарищи, благодаря заботливости инспектора классовъ, полковника *Д. М. Павловскаго*, встрѣтили много очень хорошихъ преподавателей, что, впрочемъ, и не мудрено, такъ какъ петербургскій составъ педагоговъ былъ тогда достаточно великъ. Въ области воен-

ной исторіи и тактики вспоминаю съ благодарностью офицера генеральнаго штаба *Кузьмина-Караваева*, а затѣмъ *Аничкова* (оба покойные), превосходно и по картамъ излагавшихъ военныя событія. Въ наукѣ фортификаціи съ большимъ интересомъ зачитывался я множествомъ примѣровъ военно-историческихъ эпизодовъ въ отличномъ, по своему времени, руководствѣ Теляковскаго. Всеобщую, а затѣмъ русскую исторію изучалъ я въ самыхъ первыхъ рядахъ по успѣхамъ воспитанниковъ у почтеннаго *В. М. Ведрова* и профессора *М. И. Касторскаго.* Первый былъ вполнѣ на высотѣ университетской науки и излагалъ хорошо свой предметъ—всеобщую исторію, а второй знакомилъ своихъ слушателей съ основными источниками отечественной исторіи, каковы лѣтописи, акты и мемуары. Отечественная словесность имѣла въ мое время, въ Дворянскомъ полку, отличныхъ преподавателей въ лицѣ Иринарха Ивановича *Введенскаго*, который хотя уже самъ не преподавалъ, но посѣщалъ классы русскаго языка въ военно-учебныхъ заведеніяхъ, въ качествѣ главнаго наставника и наблюдателя за преподаваніемъ отечественнаго языка, и нерѣдко, увлекаясь бесѣдою въ сферѣ своего предмета съ воспитанниками, прочитывалъ цѣлыя лекціи; самый предметъ—исторію отечественной словесности—я слушалъ у Григорія Евлампіевича *Благосвѣтлова*, рекомендованнаго Введенскимъ на мѣсто преподавателя и излагавшаго предметъ весьма талантливо. Этимъ двумъ лицамъ я и мои товарищи обязаны возбужденною въ насъ большою любовью къ чтенію. Достойно вниманія, что какъ Введенскій, такъ и Благосвѣтловъ лучшихъ по успѣхамъ учениковъ приглашали къ себѣ, дѣлали участниками своихъ бесѣдъ, давали свои книги, а Введенскій даже придумалъ для меня особую тему для разработки, именно—«исторію русской комедіи», въ каковую исторію, по предложенному имъ плану, я долженъ-бы былъ ввести *А. П. Сумарокова*, *Фонвизина*, *Грибоѣдова*, *Гоголя* и *Островскаго*, превосходная комедія котораго «Свои люди—сочтемся» была разобрана мною подъ руководствомъ *Г. Е. Благосвѣтлова* на кадетской скамьѣ въ особомъ сочиненіи, не безъ успѣха прочитанномъ на публичномъ экзаменѣ, передъ *Я. И. Ростовцевымъ* и большимъ собраніемъ учебныхъ властей, весною 1855 г. въ зданіи 1-го кадетскаго корпуса.

Товарищеская жизнь въ Дворянскомъ полку и въ смѣнившемъ его Константиновскомъ кадетскомъ корпусѣ была несравненно лучше, нежели въ Полоцкомъ кадетскомъ корпусѣ: о кулачномъ правѣ въ Дворянскомъ полку 1850-хъ годовъ не было и помину, воспитанникамъ всѣ говорили «вы», тѣлесныя наказанія въ Дворянскомъ полку

и преемственномъ ему кадетскомъ корпусѣ въ мое время уже не существовали; выборъ дежурныхъ офицеровъ былъ значительно лучше. нежели въ провинціальномъ корпусѣ, а учители и наставники, какъ я уже сказалъ, и по своимъ познаніямъ, и по педагогическимъ пріемамъ были неизмѣримо выше полоцкихъ педагоговъ.

Подъ раскатами приближавшейся и затѣмъ грянувшей надъ всей Россіей грозы—восточной войны 1853—1855 гг.—все въ дѣлѣ воспитанія на Руси значительно умягчилось; почувствовалось новое вѣяніе, хотя, конечно, никто не могъ предвидѣть того крутого перелома ко всему лучшему, какой явился съ паденіемъ Севастополя. Съ эполетами гвардейскаго офицера, надѣтыми 11 іюня 1855 г., я внесъ въ свою личную жизнь внѣ учебнаго заведенія слѣдующее: любовь къ труду и выносливость къ суровой и довольно бѣдной жизни; глубокое сожалѣніе, что школа оставила немало прорѣхъ въ дѣлѣ образованія, какъ, напримѣръ, малое знакомство съ иностранными и даже не вполнѣ удовлетворительное знакомство съ отечественнымъ языкомъ, большую любовь къ чтенію, и притомъ произведеній въ литературѣ какъ русской, такъ и иностранной, въ переводахъ, вполнѣ художественныхъ произведеній. Поэтому всѣ лучшіе писатели въ сферѣ изящной словесности читались съ необыкновеннымъ увлеченіемъ; любовь къ книгамъ, и притомъ въ особенности къ книгамъ историческимъ и, главнымъ образомъ, въ сферѣ отечественной исторіи, была необыкновенная. Эта любовь проявилась уже тѣмъ, что въ самый первый день производства въ офицеры пишущій эти строки отправился въ Петербургѣ на толкучку и на скудные гроши прапорщичьяго жалованья купилъ нѣсколько книгъ, каковы: «Записки Манштейна», «Записки Миниха, сына фельдмаршала», «Записки князя Якова Шаховскаго» и нѣкоторыя другія. Не безъинтересно, что спустя болѣе четверти вѣка мнѣ-же довелось напечатать эти книги въ новыхъ изданіяхъ, несравненно лучшихъ, а именно: Манштейна — въ переводѣ съ подлинной рукописи, мною розысканной, «Записки князя Шаховскаго»—по стариннымъ спискамъ, «Записки Миниха»—также въ изданіи вполнѣ научномъ и пр. и пр. Кстати замѣчу, что тогдашняя толкучка въ С.-Петербургѣ, до пожара 1862 года, вообще доставила молодому офицеру много наслажденій. Рыскало по ней тогда весьма немного, а съ офицерскими эполетами чуть-ли не я одинъ. Книги продавались очень дешево, и сосновый дешевый шкафъ въ бѣдной обстановкѣ прапорщика быстро наполнялся книжными рѣдкостями.

Въ школѣ-же, т.-е. въ кадетскомъ корпусѣ, я полюбилъ и театръ, благодаря тому, что Г. Е. Благосвѣтловъ превосходно ознакомилъ

насъ со всѣми лучшими произведеніями русской, да и иностранной (въ переводахъ) драматической словесности. Притомъ въ корпусѣ устраивали спектакли, а затѣмъ въ лейбъ-гвардіи Павловскомъ полку, въ первые-же годы моей тамъ службы (1857—1859 гг.), довелось попасть въ офицерскую драматическую труппу, во главѣ которой стояла достойная супруга командира полка М. А. Паткуль, рожденная маркиза де-Траверсе, — добрая, прекрасная женщина, съ полнымъ вниманіемъ и любезностью относившаяся ко всей семьѣ офицеровъ. Спектакли эти удостаивались посѣщенія императора Александра Николаевича и прочихъ членовъ Августѣйшей семьи.

Школа-же, т.-е. корпусъ, водворила во мнѣ чувство глубокаго уваженія къ личностямъ выдающихся отечественныхъ писателей. Къ *А. Н. Островскому* я питалъ безпредѣльное благоговѣніе, хотя изъ его произведеній было тогда напечатано и издано имъ лишь только пять комедій: «Бѣдность не порокъ» и «Не такъ живи, какъ хочется» включительно. Въ первый-же пріѣздъ свой въ Москву (въ октябрѣ 1855 г.), куда передвинутъ былъ резервный лейбъ-гвардіи Павловскій полкъ, въ рядахъ котораго я находился, я поспѣшилъ явиться къ знаменитому русскому драматургу, былъ имъ обласканъ и введенъ въ его литературно-артистическій кружокъ. Тамъ-же, въ Москвѣ, и подъ вліяніемъ этого кружка, а также кружка именитыхъ ученыхъ и литераторовъ, собиравшихся у *А. Д. Галахова*, къ которому я былъ рекомендованъ особеннымъ письмомъ *Я. И. Ростовцева*, я особенно сильно созналъ недостаточность своего теоретическаго образованія, усердно сталъ изучать иностранные языки и посѣщать Московскій университетъ, который едва-ли не впервые видѣлъ въ средѣ своихъ слушателей гвардейскаго офицера, а въ бывшей книжной лавкѣ Улитина, на углу зданія университета, зачитывался цѣлыми днями, подобно тому, какъ послѣ того въ Петербургѣ засиживался въ Императорской Публичной библіотекѣ, читая по преимуществу XVIII-го вѣка русскіе журналы, также книги историческія, журналъ «Москвитянинъ», который М. П. Погодинъ лично называлъ мнѣ впослѣдствіи, въ 1870—1872 гг., *дѣдушкой «Русской Старины»*.

Нѣсколько товарищей, такихъ-же юношей—офицеровъ гвардейскихъ полковъ, собирались ко мнѣ (1856—1858 гг.), и мы предприняли даже, подъ вліяніемъ воспоминанія объ общей нашей кадетской семьѣ, рукописный сборникъ. Въ немъ были и плохенькіе стишки, и плохенькія повѣстушки, и моя какая-то историческая статейка.

По возвращеніи въ Петербургъ (въ 1857 г.), я началъ рано давать уроки въ семьяхъ и въ нѣкоторыхъ частныхъ учебныхъ заведеніяхъ,

такъ какъ прапорщичьяго жалованья было слишкомъ недостаточно, и вотъ, уча другихъ, усердно учился; а съ 1859 года, побывавъ на трудовыя деньги за границею и ближе ознакомившись съ иностранными языками, я выступилъ на литературное поприще. Передъ тѣмъ однако, были уже небольшія мои сообщенія въ іюньской книгѣ 1856 г. «Москвитянина» «о фамиліи Грибоѣдовыхъ по актамъ XVII-го вѣка», мною разобраннымъ, да въ «Общезанимательномъ Вѣстникѣ» 1857 г. № 16—эпизоды изъ времени Анны Іоанновны.

И вотъ, на поприщѣ литературнаго труженика посильно подвизаюсь я и по сей день. Сохраняю благодарное воспоминаніе о самомъ первомъ моемъ наставникѣ, *І. И. Малевичѣ*, пріучившемъ къ труду, вызвавшемъ любовь къ чтенію, а обращеніемъ не суровымъ и даже дружескимъ, привлекшемъ меня къ наукѣ; затѣмъ, не столько суровости кадетскихъ корпусовъ, сколько заботливому вниманію отца, который самъ былъ питомцемъ 2-го кадетскаго корпуса выпуска, кажется, 1824 г., слѣдившаго за успѣхами сыновей, ведшихъ съ нимъ дѣятельную переписку (ум. 1860 г.), и нѣжному вниманію матери, (ум. въ 1854 г.), доброй, поощрявшей своихъ дѣтей къ дальнѣйшимъ успѣхамъ ласкою и любовью,—обязанъ я тѣмъ, что изъ меня выработался одинъ изъ многихъ работниковъ, который любитъ свое отечество и посильно ему служитъ.

Михаилъ Ивановичъ Семевскій,
издатель-редакторъ историческаго журнала
«Русская Старина».

27-го ноября 1891 г. С.-Петербургъ.